СЕРГЕЙ ЛОЗОВ

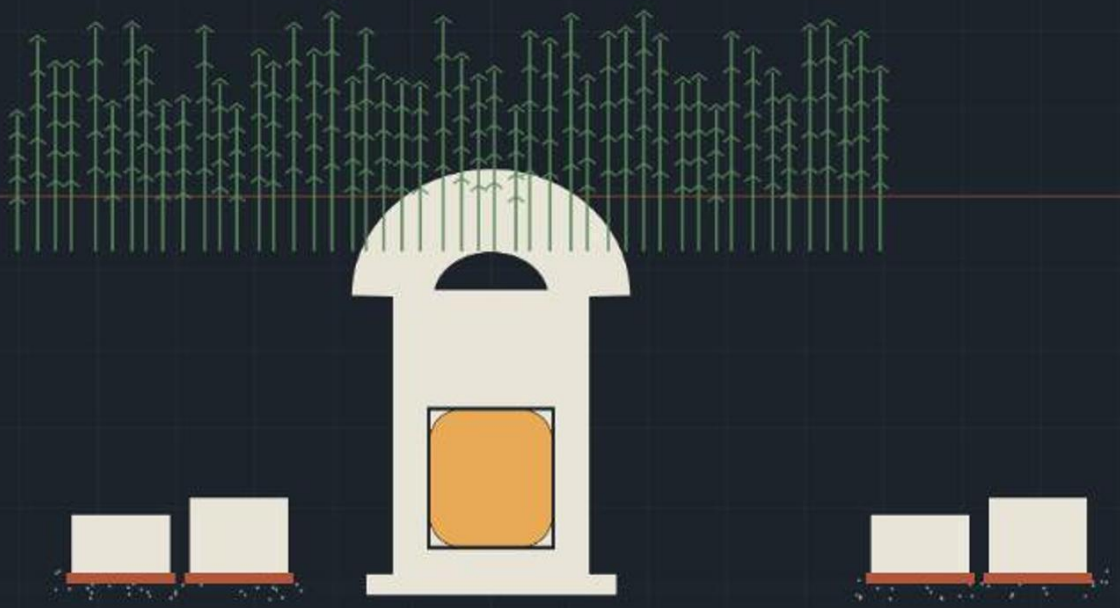
СВЕРЕНО
ДЕЛО № 102
1978

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

ЗЕЛЁНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

СЧЁТ ТРАВЫ

сатирический детектив



серия «Зелёные свидетели»

Сергей Лозов

Счет травы

«Автор»
2026

Лозов С. Ю.

Счет травы / С. Ю. Лозов — «Автор», 2026

«Не относится к ведомству» — четыре слова, которыми система сорок восемь лет отвечала на всё, что не хотела считать.Дежурная пожарной части ПЧ-9 подала заявление: подвал за третьим выходом, одиннадцать человек, содержание с семьёй семьдесят восьмого. Вернули с резолюцией без подписи — а печатной машины в части нет с девяносто второго. Резолюцию писала та, кого не числят в штатах: система.Капитан юстиции Настя ведёт безбумажное следствие — реестр на тетрадных листах, дело, которого нет в номенклатуре. Права допрашивать у неё нет. Зато есть очередь, багажник старейшего сотрудника, коза-инспектор по нюху и печь, которая не жгла, а берегла. Показания дают трава, вода, потолок и голос из-за двери третьего этажа.А система впервые за сорок восемь лет встала в очередь сама — под номером сто второй. И посчитала себя.

© Лозов С. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой мне вернули заявление на неогнестойкой бумаге, тётя Лена открыла подвал за третьим выходом, а печь произнесла слово, которое я потом расшифровывала десять глав 6
ДОКУМЕНТ № 1/IV 8
УЛИКА № 1/IV 10
УЛИКА № 2/IV 12
УЛИКА № 3/IV 13
УЛИКА № 4/IV 14
РЕЕСТР ГЛАВЫ ПЕРВОЙ 15
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой я допрашивала дежурного и узнала, кто носит бумаги в подвал, а бабушка впервые назвала мне адресатов платёжек — семью семьдесят восьмого года, и у семьи оказалась очередь 16
УЛИКА № 5/IV 18
ДОКУМЕНТ № 2/IV 20
УЛИКА № 6/IV 21
УЛИКА № 7/IV 22
УЛИКА № 8/IV 23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой зарплата сорок восемь лет накапливалась на счёте, областная линия дёрнулась с телефона, а «строка, которая не закрыта» сама пришла на приём — в участок полиции, по регламенту 24
УЛИКА № 9/IV 25
УЛИКА № 10/IV 27
УЛИКА № 11/IV 28
ДОКУМЕНТ № 3/IV 29
УЛИКА № 12/IV 31
УЛИКА № 13/IV 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Сергей Лозов
Счет травы

СЕРГЕЙ ЛОЗОВ
ЗЕЛЁНЫЕ СВИДЕТЕЛИ
Книга четвёртая
СЧЁТ ТРАВЫ
сатирический детектив

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой мне вернули заявление на неогнестойкой бумаге, тётя Лена открыла подвал за третьим выходом, а печь произнесла слово, которое я потом расшифровывала десять глав

Пятницу, Сергей, я помню по трём предметам: термос, тетрадный лист и указатель «ПЧ-9».

Термос — Марго. Тетрадный лист — бабушка. Указатель — тот, что висел на столбе у поворота на Столбово с восемьдесят третьего года и указывал не на пожарную часть, а на её репутацию: «ПЧ-9. Объект охраняется. Посторонним не волноваться». Посторонним не волноваться — это, между нами, единственная формулировка в районе, которая честнее самой системы: она прямо говорит, что волноваться здесь положено своим.

Начать надо с того, что случилось в четверг, потому что пятница началась из-за четверга, а в нашем районе всё начинается из-за чего-то, что случилось на день раньше и не было занесено.

В четверг тётя Лена — Тетеря Елена Ивановна, дежурный ПЧ-9, женщина, которая сорок восемь лет держала в графе заступления одну строку без даты убывания, — пришла в горницу с листком. Листок был тетрадный, в клетку, вырванный по линейке неаккуратно, и на нём стояло четыре слова, которые я потом запишу в реестр как начало четвёртой книги:

«Не относится к ведомству».

— Капитан, — сказала тётя Лена и положила листок на стол с той осторожностью, с которой кладут не бумагу, а находку, — я подала заявление. В часть. По существу: подвал за третьим выходом, одиннадцать человек, содержание с семьдесят восьмого года. Заявление по форме, с приложениями, в двух экземплярах. Экземпляр мне вернули с этим. — Она коснулась листка пальцем, но не надавила: надавить на неогнестойкое всё равно что надавить на обещание. — Читайте.

Я прочла. Резолюция стояла внизу, напечатанная — не от руки, а печатная, ровная, без подписи, и это, Сергей, было уже само по себе показание: резолюция без подписи — это резолюция, которую никто не готов взять на себя, а значит, её написал тот, у кого нет имени. У нас таких в районе числился один — система, но она тогда ещё не признавалась в существовании, и её числили «неустановленным лицом с ровным почерком».

— Печатали на машинке? — спросила я.

— Печатная машина, — сказала тётя Лена, — в ПЧ-9 списана в девяносто втором. По акту. Акт я видела. Списанное не печатает. А резолюция напечатана. Значит, печатал кто-то, кого в части нет.

— Значит, — сказала я, — заявление рассматривали не в части.

— Вот это, — сказала тётя Лена, — первый правильный вывод за сорок восемь лет, который я слышу от следствия в этом учреждении. Дальше. Куда рассматривали?

— Не знаю, — сказала я честно. — Но знаю, что не в части: в части нет печатной машины, а резолюция есть. Значит, резолюцию принесли. А принести могли оттуда, где машины есть. А машины есть там, где бумаги много. А бумаг у нас много в одном месте — в области.

— Капитан, — сказала тётя Лена, и голос у неё сделался ровнее, чем положено дежурному, и ровнее, чем положено женщине, которая сорок восемь лет молчала, — вы мне сейчас не объясняйте. Вы мне сейчас отвечайте: заявление примете?

Это, Сергей, был момент, о котором я потом думала в четырёх книгах, и каждое новое перечитывание давало новый ответ. Тётя Лена принесла мне не жалобу. Она принесла мне

вопрос: примешь ли ты то, что система уже вернула один раз, — на тетрадном листе, без подписи, с формулировкой, за которую не отвечает никто?

— Приму, — сказала я.

— По какому основанию? — спросила она. И это был уже не вопрос дежурного. Это был экзамен.

— По основанию «ведомственный учёт граждан», — сказала я. — Одиннадцать человек содержатся в помещении части. Часть — это объект. Объект — это территория. Территория — это юрисдикция. Юрисдикция — это следователь. Следователь — это я. Цепочка замкнулась, и разомкнуть её может только тот, кто разомкнёт подвал. А это не я.

— Кто? — спросила тётя Лена.

— Тот, кто там сидит, — сказала я. — Он единственный, кто может выйти. Мы можем только не мешать.

Тётя Лена помолчала. Потом кивнула — не мне, себе: так кивают, когда внутренний счёт сходится с внешним. И сказала фразу, которую я записала первой строкой реестра четвёртой книги:

— Значит, я сорок восемь лет не мешала. Теперь буду помогать.

ДОКУМЕНТ № 1/IV

Наименование: Заявление Тетери Е. И. в ведомственную часть о содержании одиннадцати человек в подвале за третьим выходом ПЧ-9 с 1978 года

Ответ: резолюция «Не относится к ведомству» — печатная, без подписи, без даты выдачи, на тетрадном листе

Связка: резолюция «Принять к сведению. Мер не требует» (двенадцать штук, кабинет 14) — та же машина, потому что у печатей, как у отпечатков пальцев, есть дактилоскопия: машинописная — своя

Статус: Зарегистрировано. Первый неогнестойкий отказ в серии. Отказ, который не горит, — это, между нами, тот, который система не смогла сжечь: она его напечатала, а печать, Сергей, не сгорает в печи, потому что печь не берёт своё.

* * *

После тёти Лены я пошла к бабушке.

Бабушка встретила меня щами — а точнее, крышкой: она снимала её с кастрюли, когда я вошла, и сняла медленно, глядя не на щи, а на меня. Я потом пойму, что это был счёт, — но тогда я думала, что она просто солит. Бабушка сорок восемь лет солит щи не по вкусу — по показаниям.

— Заявление, — сказала я. — В части. Одиннадцать человек. Подвал. С семьдесят восьмого.

Бабушка посолила. Попробовала. Кивнула блюду и сказала:

— Садись. Ешь. А потом пойдёшь к печи.

— Баб, я только от печи. Нина вчера дала слово.

— Дала, — согласилась бабушка. — Одно. А тебе, дочка, надо два: слово и вопрос. Слово у тебя есть. Вопрос за ним пойдёт. Так у нас в районе и работают: слово — это вход, вопрос — это выход. Между ними сидит всё остальное.

Я поела. Бабушка щей наливала не по второму — по регламенту: за заявлением в часть положено две порции, потому что есть щи перед тем, как идти в учреждение, — это не приём пищи, это протокол.

А потом я пошла к печи.

Печь, о которой я скажу так, как скажет любой, кто её знает: она не была очагом. Она была учреждением. Печь в подвале больницы работала с сорок восьмого года — и работала не на дровах, а на материалах: в неё сорок восемь лет сносили то, что не должно было существовать в бумаге, и она это держала — не сжигая. Бабушка Нина, содержательница печи, держала коробки. Соль держала бумагу. А печь держала слово. Коробки стояли нумерованные — от первой до девятой, и девятая держала платёжки: нумерация держала порядок, а систему порядок держал даже там, где она не проверяла.

Я легла на нары — потому что печь отвечает не на вопросы, а на лежание; это, Сергей, у нас уже регламент, и регламент этот старше меня.

Печь молчала два часа. Молчание печи — это не тишина: это размышление. Печь думает как учреждение: сначала сверит с графами, потом с графикой, потом с графиком, и только потом говорит. А говорит — словом. Одним.

На третий час печь сказала:

«Заступ».

Я открыла глаза. Нина сидела рядом — она всегда сидела рядом, когда я лежала, — и смотрела на меня так, как смотрят не на человека, а на человека, которому сейчас надо будет это расшифровать.

— Заступ, — повторила я.

— Заступ, — подтвердила Нина. — И всё?

— И всё, — сказала Нина. — Печь не радиосвязь. Печь — это телеграф. Телеграф дорожит каждым словом, поэтому и слова у него дорогие. Заступ — это то, что печь увидела с сорок восьмого года и не сказала, потому что не было кому. Теперь есть. Слушай, дочка: заступ — это когда кто-то встаёт на смену вместо того, кто не может встать. А в нашем подвале стоит смена, которую никто не сдал. Смена идёт сорок восемь лет. И смена эта, дочка, ждёт заступа.

— Кто заступит? — спросила я.

— Вот это, — сказала Нина, — и есть твой вопрос. Я тебе дала слово. Вопрос — это уже твоя работа.

УЛИКА № 1/IV

Предмет: Показания печи — слово «заступ», единственное за сорок восемь лет применительно к подвалу за третьим выходом

Способ получения: лежание, три часа, при содержательнице

Связка: графа заступления Тетери Е. И. — одна строка, сорок восемь лет, без даты убывания

Статус: Зарегистрировано. Слово «заступ» весит больше, чем любой документ серии: у документа есть подпись, а у слова — только тот, кто его отдал. Печь отдала. Значит, между нами, у подвала теперь есть ожидание.

* * *

В субботу я вернулась в Столбово — уже с реестром, уже с описью, уже с планом. И план этот, Сергей, потребовал учреждения: у нас в районе для дел, которые не признаёт система, надо создавать свой учёт. У бабушки — горница. У Марго — ординаторская. У меня теперь будет реестр на тетрадных листах, и листы эти будут неогнестойкими — потому что огнестойкие система умеет находить: она ищет не бумаги, а грифы. Тетрадный лист грифа не имеет. Тетрадный лист, Сергей, — это документ, который система не распознаёт: у неё нет статьи на клетчатую бумагу, а без статьи она не умеет действовать.

— Значит, — сказала бабушка за щами — и я заметила, что крышку она сняла уже во второй раз за день, а счёт ведётся, — значит, ты, дочка, будешь вести реестр на клетчатой бумаге. Запиши это как открытие: клетка — это графика, которую система не редактирует. В клетке всё пишется ровно. А ровно, дочка, — это то, чего система не понимает: она понимает только неровное, потому что неровное — это подпись, а подпись — это человек. Ровное — это она сама.

— И ещё, дочка, — сказала бабушка и посолила щи второй раз за разговор. — Спросишь, чай, почему молчат телефон и стул, а печь и журнал говорят. Отвечаю сразу, чтобы дважды не вставать. У нас в районе говорят растения — и те предметы, что долго держали человеческое слово. Печь держала сорок восемь лет: в неё сносили то, чего не должно было существовать, — а то, что в неё положили, она помнит. Журнал держит: в него писали. А телефон молчит, потому что чужие разговоры у него короткие и не свои. И стул молчит, потому что на нём сорок восемь лет сидели, а слова не оставили. Держит слово — говорит. Не держал — молчит. Это, дочка, не суеверие. Это грамматика района.

И тут в горницу вошёл Кеша.

Кеша — кузнец, сосед, сорок восемь лет возит багажник, о котором я скажу отдельно, — вошёл, как вошёл бы пожарный: быстро, зная, что его ждут. И положил на стол листок. На листке было напечатано — печатной машинкой, той самой, не списанной:

«ГРАФИК ДЕЖУРСТВ УЧАСТКОВОГО ПУНКТА ПОЛИЦИИ С. СТОЛБОВО. Приём граждан: вторник и четверг, с девяти до двенадцати. Жалобы принимаются по существу. Основание: регламент N».

— Это, — сказал Кеша, — я утром у участкового взял. С разрешения. Участковый у нас новый, Пугачёв фамилия, двадцать шесть лет, приехал в августе из области — и я у него спрашивал про подвал. А он мне говорит: «Подвал? Какой подвал? У меня в регламенте подвала нет». И показал регламент. А я ему говорю: «Молодой человек, у вас в регламенте нет подвала, но подвал — это не регламент. Подвал — это территория. А территория есть в каждом регламенте — просто её надо в нём найти». И он мне ещё раз показал регламент. И вот, капитан, я тебе этот регламент принёс. Читай. Там четырнадцатая страница.

Я открыла. Страница четырнадцатая, пункт девять:

«В случае отсутствия оснований для проверки — проверка не проводится».

— Это, — сказала я медленно, — то, что в нашем районе называют «на отсутствие проверки тоже есть — страница четырнадцатая, пункт девять».

— Оно самое, — подтвердил Кеша с гордостью, с которой цитируют не закон, а достопримечательность. — Участковый его наизусть знает. Гордится. Говорит: «У нас в регламенте всё продумано». А я ему говорю: «Продумано, молодой человек. Но подвал, между нами, не в регламенте. Подвал — в реестре. А реестр ведём мы».

УЛИКА № 2/IV

Предмет: Регламент участкового пункта полиции с. Столбово, страница четырнадцатая, пункт девять: «В случае отсутствия оснований для проверки — проверка не проводится»

Значение: в районе существует учреждение, у которого есть регламент на отсутствие действий, — и это единственное учреждение, которое система ещё не проверила, потому что проверять то, у чего нет графы на проверку, она не умеет

Связка: приёмные часы — вторник и четверг — совпадают с графиком журнала учёта заявлений: два канала, один график

Статус: Зарегистрировано. Удочка закинута, Сергей: приёмная участкового пункта — это место, куда система ещё не сунулась, а мы туда сунемся. Вопрос только в жалобе — и жалобу мы уже знаем, кто подаст.

* * *

Вечером я подсчитала, что у нас есть, и записала в реестр. Получилось следующее:

Есть подвал за третьим выходом ПЧ-9. Есть одиннадцать человек, которые там содержатся с семьёй семьдесят восьмого года — а точнее, с содержанием, потому что слово «содержание» в этом деле значит больше, чем «содержатся»: содержание — это то, что система оплачивает, а оплачивать она умеет только то, что учла.

Есть трава над подвалом — сорок восемь растений, одиннадцать стеблей в ряду, и трава эта считает не по календарю, а по строкам. Я это поняла в воскресенье, когда Кеша сказал:

— Капитан, трава над подвалом — она не как трава. Я её наблюдал. Она растёт снизу вверх — а всё, что система, растёт сверху вниз. Понимаешь? Резолюции, графика, тарифы — всё это сверху вниз, от начальника к строке. А трава — от корня к бутону. Она та же система, только в другой полярности. Система не может её прочесть — не потому что не хочет. Потому что ей надо перевернуть голову, а она перевернуться не умеет: у неё нет шеи.

— У кого нет шеи? — спросила я.

— У системы, — сказал Кеша просто. — У неё, между нами, нет шеи. Только направо и налево. А вверх и вниз — это уже не направление, это судьба.

И есть, наконец, счёт. Счёт крышек щей, который бабушка ведёт не по времени, а по главам: девятая — «предпоследнее число перед круглым», десятая — сомкнётся. Я это ещё не поняла до конца, но бабушка счёт ведёт не для себя: она ведёт его для книги, а книга читается сверху вниз — то есть в обратную от травы сторону. Система читает сверху вниз. Трава растёт снизу вверх. А мы — посередине: мы читаем снизу вверх. И это, Сергей, наш единственный шанс: система нас не прочтёт, потому что мы — внизу.

УЛИКА № 3/IV

Предмет: Полярность чтения — система сверху вниз, трава снизу вверх, следствие посередине

Значение: направление чтения в этом районе — не фигура речи: система не может прочесть то, что растёт в другую сторону

Связка: счёт крышек — от первого к десятому, и десятая сомкнётся; счёт травы — от корня к бутону

Статус: Зарегистрировано. Полярность — это первый улика, который нечего проверять руками: его надо просто помнить. А помнить — это то, что система не умеет: у неё память в графах, а у нас — в графах и в щах.

* * *

В понедельник утром я пошла в часть — забирать второй экземпляр.

Пришла в девять. Дежурный — тот самый, с ресивером и с той скоростью реакции, с которой в учреждениях реагируют не на посетителей, а на регламент, — сказал:

— Заявление? Второй экземпляр? Есть. Только он, между нами… — И замолчал.

— Что — «между нами»? — спросила я.

— Он не в канцелярии, — сказал дежурный. — Он в подвале.

— В каком подвале? — спросила я. И это, Сергей, был вопрос, который я потом расшифровывала десять глав, потому что подвальный ответ у дежурного был такой:

— В том, который не относится к ведомству.

УЛИКА № 4/IV

Предмет: Заявление Тетери Е. И., второй экземпляр, перемещён в подвал за третьим выходом ПЧ-9

Способ перемещения: не установлен — бумаги не ходят сами; ходят те, кто их несёт

Связка: резолюция «Не относится к ведомству» — если заявление не относится к ведомству, то оно и не в ведомстве: оно в подвале, а подвал — это то, что не в ведомстве, потому что оно не относится к ведомству. Система нашла круг: она отправила документ туда, куда по её же резолюции он и не относится. Круг, Сергей, замкнулся — а круг это то, из чего выходят, только если он начерчен не полностью.

Статус: Зарегистрировано. Заявление в подвале — а значит у подвала теперь есть почта. У подвала появилась корреспонденция. А это значит, что у подвала появился адресат. И адресат этот, Сергей, — не система. Система резолюцию выдала и ушла. Адресат — тот, кто заявление туда снёс. И он живёт рядом с системой, а работать против неё.

* * *

Дома, за щами — шестая крышка за неделю, — бабушка сказала:

— Дочка, слушай. Система, между нами, одно сделала правильно: она заявление вернула. Вернула — это её форма борьбы: то, что вернулось, уже не заявлено. А она одно сделала неправильно: она его отправила в подвал. В подвал, дочка, можно было только одно из двух: или не отправлять, или отправить и забыть. А она отправила и не забыла — она его туда снесла и доложила. И это значит, что в подвале есть тот, кто принимает корреспонденцию. А тот, кто принимает, — это тот, кто подписывает. А тот, кто подписывает, — это тот, кто в подвале главный. А главный в подвале — это заступ. Печь сказала: заступ. Значит, дочка, главный в подвале — тот, кто ждёт заступа. И он ждёт тебя.

— А если не меня? — спросила я.

— Если не тебя, — сказала бабушка, — то очередь. Очередь всегда заступает вместо того, кто не может. Так что вопрос, дочка, не в том, кто заступит. Вопрос — в том, кто при этом не забудет. А забудут все, кроме одного: кроме меня. У меня память в щах, дочка. А щи не забывают: они каждый день кипят.

РЕЕСТР ГЛАВЫ ПЕРВОЙ

Улика: заявление Тетери Е. И. с резолюцией «Не относится к ведомству»; слово «заступ» от печи; регламент участкового пункта — страница четырнадцатая, пункт девять; полярность чтения (система сверху вниз, трава снизу вверх); перемещение второго экземпляра заявления в подвал за третьим выходом.

Что это даёт: система ответила на заявление не отказом, а перемещением — и это первая ошибка за сорок восемь лет, потому что отказ — это графа, а перемещение — это движение. Система не умеет двигаться: она умеет только ставить в графу. А заявление в подвале — это уже не графа. Это корреспонденция.

Важность: слово «заступ» — первое слово, которое печь отдала за сорок восемь лет не по протоколу, а по необходимости. Заступ — это сменщик. А сменщик появляется тогда, когда сменщик нужен. И он нужен, потому что смена, которая идёт сорок восемь лет, кончается — и кончается не по времени, а по счёту: у смены, как у крышек, есть круг, и круг этот замыкается на десятой.

Проверка: во-первых, узнать у дежурного, кто сносил заявление в подвал: человек, который сносит бумаги в подвале, — это человек, который работает на систему, но в системе не числится, а нечислимые — это те, кого не бросают: их переселяют; во-вторых, приёмные часы участкового пункта — вторник и четверг — сверить с графиком журнала учёта заявлений: если графики совпадают, то у нас есть два учреждения с одним распорядком, а это не совпадение — это штатное расписание, которого не должно быть; в-третьих, узнать у тёти Лены, кто в части отвечает за подвал по штату: если ответят «никто», то за подвал отвечает тот, кто не в штате, а тот, кто не в штате, — это тот, у кого нет личного дела.

Вывод: система ошиблась, вернув заявление на неогнестойкой бумаге. Неогнестойкая бумага — это бумага, которую нельзя сжечь, а то, что нельзя сжечь — это то, что надо хранить. А хранить она умеет только в подвале. И подвал принял. Значит, у подвала есть принятие. А принятие — это то, что делает не система: это то, что делает человек. И этот человек живёт за третьим выходом.

Действие: во вторник — приёмные часы участкового пункта: пойти по регламенту, с заявлением, с жалобой, по форме, — потому что приёмная это то единственное место в районе, куда система ещё не заглядывала, а туда надо сходить до неё. В среду — узнать у тёти Лены, кто в части отвечает за подвал по штату. В четверг — повторить визит к участковому: регламент читают не сразу, а по второму заходу.

Реестр открыт. Статус — сверено.

* * *

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой я допрашивала дежурного и узнала, кто носит бумаги в подвал, а бабушка впервые назвала мне адресатов платёжек — семью семьдесят восьмого года, и у семьи оказалась очередь

Вторник был день дежурного.

Дежурного, Сергей, допрашивают не как подозреваемого — как источник: он ничего не совершил, кроме того, что видел, а видеть в нашем районе опаснее, чем совершать: совершивших судят по статье, а увидевших — по ведомости. Я ехала к одиннадцати — к пересменке, потому что на пересменке дежурный сдает смену и в получасовом зазоре между «заступил» и «сдал» он честнее, чем в любое другое время: смена ещё не его и уже не его, а совесть — всегда его.

Дежурного звали Пахомов. Пахомов Михаил Лукич, пятьдесят восемь лет, в ПЧ-9 — тридцать один год, до этого — водитель автобуса, и это объясняло его главную профессиональную привычку: он помнил всех, кто заходил и выходил, по расписанию. Автобусники — лучшие свидетели в стране: они всю жизнь смотрят, кто на какой остановке вошёл, и никто никогда не проверяет их память.

— Михаил Лукич, — сказала я, — заявление Тетери. Второй экземпляр. Оно было у вас на столе?

— Было, — сказал Пахомов без запинки. — В пятницу. Я его в ящик положил. Куда положено.

— А потом?

— А потом пришёл человек, — сказал Пахомов и посмотрел на меня так, как смотрят водители на пассажира, который едет не по маршруту. — В воскресенье. Вечером. За заявлением.

— По фамилии?

— Не представился. И это, капитан, меня и насторожило. У нас в части все представляются — даже те, кто не работает: сантехник представится, почтальон представится, а тут — не представился. И не спросил. Взял бумагу, сказал: «Не относится», — и пошёл.

— Куда пошёл?

— А вот это, капитан, я вам скажу, и вы мне не поверите. — Пахомов помолчал. Потом договорил так, как говорят то, что вынашивали с воскресенья: — Он пошёл не к выходу. Он пошёл к третьему выходу. И я, капитан, за тридцать один год видел, как в тот коридор заходят двое: я — по регламенту, с фонарём, и тётя Лена — по своему. А тут — третий. И третий шёл так, как ходят те, кому туда положено. Я, капитан, тридцать один год смотрю, как люди ходят по коридорам, и скажу вам главное: по походке видно, по какому праву человек идёт. У судейского — походка предписания. У проверяющего — походка ожидания. А у этого была походка прописанного. Так ходят те, кто там живёт.

— Прописан в подвале?

— Прописан при подвале, — поправил Пахомов с той точностью, с которой автобусники различают не остановку, а маршрут. — Живут в подвале, капитан, одиннадцать человек. А при подвале — двенадцатый. Он не сидит. Он ходит. Сорок восемь лет ходит: вниз, наверх, вниз, наверх. И бумагу вашу понёс — вниз.

— Вы его видели раньше?

— Всех вижу, — сказал Пахомов. — Я сорок восемь лет, между нами… то есть тридцать один год, — смотрю в этот коридор. И скажу вам, что я понял за тридцать один год, а понял я

это на двенадцатом году: в части есть люди, которых нет в расписании. Они не заступают, не сдают, не числятся. Они ходят. И ходят они, как почтальоны: у почтальона нет маршрутного листа — у него есть адрес. У этого, стало быть, адрес. И адрес этот, капитан, внизу.

Я записала. Допрос был короткий — сорок минут, — но за сорок минут Пахомов выдал то, что следствие в этом учреждении не получало никогда: описание человека, которого нет ни в одном списке, от человека, который списки не читает, потому что читает лица.

— Приметы?

— Лет пятидесяти, — сказал Пахомов. — Двоюродный средний. Одет по-рабочему, но чище, чем носят рабочие. И — вот это, капитан, главное — ботинки. У него ботинки не обувные. У него ботинки — казённые. Я сорок восемь лет… тридцать один год, — казённые ботинки вижу издалека: они шьются не на ногу, а на норму. У этого — на норму. И носит он их, как носят полученные, а не купленные: бережно, потому что вторых не дадут.

УЛИКА № 5/IV

Предмет: Показания дежурного Пахомова М. Л.: воскресенье, вечер, человек без представления; направление — третий выход; походка «прописанного»; ботинки казённые, «на норму»

Значение: в части существует двенадцатый при подвале — курьер, не числящийся ни в одном расписании, с адресом внизу

Связка: перемещение второго экземпляра заявления (глава первая); двенадцатая дверь (глава пятая — предполагаемая)

Статус: Зарегистрировано. Ориентировка составлена. Разыскивается не человек — адрес: человек подойдёт сам, потому что почтальон приходит по расписанию, а расписание — это документ, который мы уже умеем читать.

После Пахомова я поехала в Столбово — к бабушке. За платёжками.

Платёжки лежали у неё в горнице — все сорок восемь, отобранные из семи коробок, разложенные по годам, как разложивают не документы, а позвонки одного позвоночника. Бабушка сидела над ними с очками и с карандашом — и это было зрелище: восемьдесят девять лет, карандаш и сорок восемь лет чужой бухгалтерии.

— Садись, дочка. Я тут посчитала, а считать мне помогал не карандаш — щи. Слушай.

И она рассказала то, из-за чего платёжки вообще существовали.

— Ты мне говорила: тариф. «Слушал за одного», «за двоих», «за троих». Я сорок восемь лет платёжки видела глазами, а теперь я их прочла глазами, и разница, дочка, вот какая: видеть — это когда бумага лежит. А прочесть — это когда бумага отвечает. Я тебе отвечу, что в этих бумагах написано между строк, а между строк написано главное: платили не человеку. Платили семье.

Я замерла с ручкой над реестром.

— Семье?

— Семье, дочка. Смотри. — Она подвинула мне платёжку сентября семьдесят девятого. — Получатель тут не кочегар. Получатель — «Т. И.». А кочегар, между нами, — Т. С. Инициалы не совпадают. А теперь смотри дальше. — Она подвинула ещё три. — Тут получатель — «Л. П.». Тут — «Н. А.». Тут — «В. С.».

— Это наши инициалы, — сказала я медленно.

— Это наши инициалы, — подтвердила бабушка спокойно, как подтверждают не догадку, а дом. — Лидия Петровна. Нина. Вера Степановна. А «Т. И.» — это, дочка, Тамара Ивановна. Санитарка с девятой строки. Та, что по вечерам пела.

И тут у меня, Сергей, в реестре дрогнула строка — впервые за четыре книги. Потому что я поняла то, что нужно было понять ещё в первой книге: платёжки были не взятками слушателям. Платёжки были алиментами системы. Она платила семьям тех, кого изъяла. Сорок восемь лет — каждый месяц — по адресу. Не по фамилии: по инициалам, потому что фамилии она могла потерять, а инициалы она хранила как приметы — и приметы эти были единственным, что она отдала родным. Стёпа слушал за семью — и его слушание система содержала тем же способом: оплата правдой. Так это называлось до стипендии, а стипендия — это оплата правдой с графой.

— Система, — сказала я, — содержала семьи своих жертв.

— Она их не содержала, дочка, — сказала бабушка и сняла крышку. — Она их подписывала. Содержание — это когда живому дают еду. А подпись — это когда бумаге дают адрес. И у неё всё это время было то и другое: у живых — подвал, у бумаг — семьи. Она, дочка, сорок восемь лет платила не за молчание. Она платила за то, чтобы семья получала деньги и не искала. Деньги — это не отступные. Деньги — это запрет на вопрос: кто берёт — тот не

спрашивает. Это, дочка, старейшее правило всех систем, и оно работает безотказно, потому что оно честно: система даже не врёт, что это компенсация. Она просто платит. А семья получает и молчит. И молчание это сорок восемь лет было самой прочной частью всего подвала: стены можно проверить, а молчание — нет.

ДОКУМЕНТ № 2/IV

Наименование: Свод по сорока восьми платёжкам — графы «получатель»: инициалы семей одиннадцати изъятых; хронология тарифов — «за одного» (1978–1979), «за двоих» (с сентября 1979), «за троих» (с июня 1980)

Открытие: платёжки направлены семьям, а не слушателям; оплата — ежемесячная, без пропусков, сорок восемь лет

Связка: список одиннадцати по вклейкам (журналы «слышано»); графы заступления без даты убывания

Статус: Зарегистрировано. У системы, Сергей, обнаружилась вторая бухгалтерия: первая — за тишину, вторая — за неискание. И обе велись честно, потому что счёт — это единственное, что она делает без посредников.

Мы сидели над сводом до вечера. Бабушка раскладывала платёжки по семьям — и я записывала в реестр, и реестр этот начинал быть не следственным: он начинал быть семейным. Одиннадцать семей. Одиннадцать адресов. Одиннадцать граф, которые система заполняла ежемесячно и в которые никто ни разу не заглянул, потому что никто не догадался, что графа — это окно.

А потом бабушка сказала то, ради чего я вообще поехала:

— Дочка. Теперь слушай главное, а главное слушают сидя. Я сегодня всё это считала и поняла одну вещь, которая меня, дочка, старуху, напугала. Сорок восемь лет система платила — и платила исправно. А с прошлого года, дочка, платёжки приходят с опозданием. Не на день — на неделю. И это, дочка, не сбой. Сбой — это когда платят не вовремя случайно. А это — счёт: система начала считать. А считать она начинает перед тем, как перестать платить. А перестанет платить она тогда, дочка, когда решит, что платить больше не за кого. И вот тут, дочка, у меня вопрос, который я тебе задаю как бабушка, а не как источник: у вас в следствии есть такое учреждение, куда семья может пойти и спросить официально — платят или не платят, числится или не числится?

— Есть, — сказала я. — Это тот же участок полиции. Приём по вторникам и четвергам.

— Так вот, дочка, — сказала бабушка и посмотрела на меня поверх очков, — семеро из одиннадцати семей собираются пойти. В следующий четверг. Вместе. Я им сказала, что пойду с ними — а я к учреждениям всю жизнь хожу с щами, так что щи я понесу с собой. В термосе. И запиши, дочка: очередь, которая сорок восемь лет молчала, идёт в учреждение — не с жалобой. С вопросом. А это страшнее жалобы: на жалобу есть резолюция, а на вопрос резолюции нет — на вопрос есть ответ. И ответ они получить должны. Ибо если они его не получат — они его получат по-другому. А «по-другому», дочка, — это то, чего система не умеет регистрировать, и потому это её любимая часть.

УЛИКА № 6/IV

Предмет: Решение семей — семеро из одиннадцати идут в участок полиции в четверг, с вопросом о выплатах; в составе — Лидия Петровна с термосом

Значение: очередь переходит от молчания к обращению — по регламенту, в приёмные часы

Связка: приёмные часы участкового пункта — вторник и четверг (глава первая); регламент, страница четырнадцатая, пункт девять

Статус: Зарегистрировано. Удочка закинута глубже, Сергей: в пятую книгу мы входим не следствием, а очередью — и очередь идёт первой, а следствие за ней, потому что следствие без заявления не работает, а заявление — это то, что очередь умеет писать с сорок восьмого года: она его писала каждый месяц, просто в другой графе.

В среду я вернулась в часть — за штатом.

Штатное расписание ПЧ-9 я запросила официально — и получила его официально: лента в шестьдесят два листа, с грифом «для служебного пользования», с пояснением, что «излишняя детализация не требуется», а детализация и была тем, что я просила. Я её всё-таки прочла — целиком, как читают всё, что названо излишним.

В расписании было шестьдесят две должности. По каждой — фамилия, ставка, дата зачисления. Я прошлась по графам с карандашом — и на сорок третьей позиции остановилась. Позиция называлась: «средний технический персонал, содержание специальных объектов». Ставка — 0,5. Фамилии — нет. Дата зачисления — 13 апреля 1978 года. Графа «уволен» — пустая. И вместо фамилии, там, где фамилия положена, стоял прочерк — а над прочерком, от руки, тем же почерком с точкой чуть правее, одна буква: «А.».

— Тётя Лена, — сказала я, когда она пришла на пересменку, — у вас в штате сорок восьмой год работает человек без фамилии.

— Работает, — сказала она спокойно. — Я его видела один раз за сорок восемь лет — в восемьдесят девятом, в коридоре, на четвёртой ступени. Он нес ящик. И я его тогда спросила: «Вы кто?» А он мне ответил, и ответ этот, капитан, я запомнила на всю жизнь, потому что за сорок восемь лет я не слышала формулировки честнее: «Я — та строка, которая не закрыта. Всё остальное закрыли. А меня — не смогли».

— Он так сказал?

— Слово в слово. И ушёл вниз. И я, капитан, после этого сорок восемь лет… точнее, тридцать семь лет, — спала спокойно, потому что поняла главное: строка, которая не закрыта, — это не враг. Это недоделка. А недоделку доделывают. И доделать её должен не следователь. Доделать её должен тот, кто её открыл. А открыл её, между нами, «А.» — той самой рукой, которой мы теперь располагаем в четырнадцати документах.

УЛИКА № 7/IV

Предмет: Штатное расписание ПЧ-9, позиция 43: «средний технический персонал, содержание специальных объектов», ставка 0,5, фамилии нет, дата зачисления — 13.04.1978, графа «уволен» — пустая, над прочерком — виза «А.»

Значение: человек без фамилии числится в штате сорок восемь лет — «строка, которая не закрыта»

Связка: акт сличения — одна рука на четырнадцати бумагах; показания Пахомова о «прописанном при подвале»

Статус: Зарегистрировано. «А.», Сергей, — не только рука, которая подписывала. «А.» — ещё и должность, на которой стоит человек без фамилии, и этот человек ходит с бумагами вниз. Если это одно лицо — то у системы есть курьер со стажем сорок восемь лет, а курьер со стажем — это единственный сотрудник, который знает все маршруты, потому что маршруты он и придумал.

В четверг очередь пошла в участок.

Я не пошла с ними — по регламенту: следователь не сопровождает заявителей, потому что сопровождение превращает вопрос в давление, а очередь шла не давить. Она шла спрашивать. Я осталась в горнице — с реестром, с щами и с самым сложным за всю карьеру состоянием: ожиданием, которое нельзя возглавить.

Очередь вернулась в шесть вечера. Вернулась — и я сразу увидела, чем она вернулась: не тишиною и не криком. Она вернулась с бумагой. Семеро — и у каждой в руках был один и тот же бланк, выданный в окошке: «Заявление о проверке факта получения денежных выплат».

— Приняли? — спросила я у бабушки.

— Приняли, дочка, — сказала она и сняла крышку. — Приняли красиво, надо признать. Пугачёв — молодой, а приём провёл по-стариковски: каждому — стул, каждому — бланк, каждому — вода в стакане. И главное, дочка, сделал то, чего не делает ни одна система: он не спросил «зачем». Он сказал: «Пишите. Проверим». И проверка, дочка, теперь официально начата — по заявлению, за номером, в журнале. А журнал — это та самая книга, в которой сидит тёти Маши. И она, дочка, теперь будет вести не только показания — она будет вести очередь. Очередь в журнале — это то, чего не было за всю историю этого района: одиннадцать семей, официально заявленные, с номерами, в книге, которую система не сожжёт, потому что журнал — это не бумага, журнал — это учреждение.

— А если система заберёт заявления?

— Она не заберёт, дочка, — сказала бабушка спокойно. — Она не может. Система отбирает то, что не заявлено. А заявленное она не трогает — потому что тронуть заявленное — это признать, что оно существует. А признать — это то, чего она боится больше всего: у неё сорок восемь лет всё построено на том, что одиннадцати нет. А теперь они есть — в журнале, за номером, с подписями. Система, дочка, попала в свою же ловушку: она умеет не видеть только то, о чём не спрошено. А её спросили. И спросили по регламенту — так, что ответить «не относится к ведомству» нельзя: выплаты — это не ведомство, это закон. А закон, дочка, у неё один — и она его сама выбирала.

УЛИКА № 8/IV

Предмет: Семь заявлений о проверке факта выплат — принято участковым Пугачёвым А. В., зарегистрировано в журнале учёта заявлений, каждому заявителю — копия с отметкой о приёме

Значение: одиннадцать семей впервые за сорок восемь лет числятся — официально, за номером, в книге, которую нельзя сжечь

Связка: журнал как канал тёти Маши; регламент приёма; термос бабушки — «щи как протокол»

Статус: Зарегистрировано. Проверка начата. Система, Сергей, получила первые за сорок восемь лет запросы, на которые у неё нет резолюции «не относится», — и это не наша победа. Это её признание: она сама когда-то завела статьи по выплатам. А статья — это дверь, которую открывают с обеих сторон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой зарплата сорок восемь лет накапливалась на счёте, областная линия дёрнулась с телефона, а «строка, которая не закрыта» сама пришла на приём — в участок полиции, по регламенту

В понедельник был день бухгалтерии.

Бухгалтерия, Сергей, — это единственный раздел следствия, который не признаёт дара: у травы нет сберкнижки, у печи нет расчётного листа, а у козы есть только рекомендации. Поэтому всё, что касается денег, в нашем районе можно проверять только руками — и руки эти у меня были.

Запрос я сделала официально: «по штатной позиции № 43 ПЧ-9 — сведения о начислении заработной платы за период с 13.04.1978 по настоящее время, о способе выплаты и получателе». Запрос ушёл в область — потому что зарплатные листки сорок восьмилетней давности хранились не в части: часть сжигает, а область хранит — ей это дешевле.

Ответ пришёл быстрее, чем я рассчитывала, и это насторожило меня первым: в нашем районе быстрый ответ — это не сервис, это, когда кто-то уже подготовил бумагу к твоему приходу. Ответ был на трёх листах, и первый лист гласил:

«По позиции № 43 заработная плата начислялась ежемесячно, с 13.04.1978 по настоящее время, по ставке 0,5. Выплата — на лицевой счёт № 2031487, Сберегательная касса с. Столбово. Снятие не производилось. Счёт имеет накопительный характер».

Я посчитала. Полставки, сорок восемь лет, с индексациями — сумма выходила страшная: не страшная преступностью — страшная честностью. Система сорок восемь лет платила человеку без фамилии — и человек ни разу не пришёл за деньгами. Деньги лежали. Проценты капали. Счёт копил то, чего его владелец не брал, потому что не брал не по бедности: брал нельзя — возьмёшь, и счёт закроется, а счёт — это единственное существование, которое у тебя осталось.

— Она его не покупала, — сказала тётя Лена, когда я показал ей лист. — Она его оплачивала. Покупка, капитан, — это когда берут товар. А оплата — это когда берут молчание. Сорок восемь лет счёт — это его молчание в цифрах. Пока деньги капают, он не человек, который работает в подвале. Он должность, которая числится. А числящееся нельзя засыпать: за числящееся идут наверх.

УЛИКА № 9/IV

Предмет: Сведения по зарплате позиции № 43 — ежемесячное начисление с 1978 года, счёт № 2031487 в сберкассе Столбово, снятие не производилось

Значение: курьер не взят — он оплачен; накопительная логика — молчание в цифрах, которое нельзя забирать, не перестав существовать

Связка: платёжки семьям (глава вторая) — вторая бухгалтерия; позиция 43 в штатном расписании

Статус: Зарегистрировано. Система, Сергей, платит за всё, что не хочет потерять, — и по сумме можно измерить страх: полставки сорок восемь лет — это самый дорогой абонемент на молчание в районе.

А во вторник дёрнулась область.

Дёрнулась, Сергей, — потому что в нашем деле область ведёт себя как кот на кухне: спит всю ночь, а за десять минут до выхода хозяина ходит у двери и дёргает хвостом. Звонил мне полковник Багиров — из районного, с той скоростью речи, с которой говорят не новость, а трение.

— Волкова. Куда ты меня втянула.

— Никуда, товарищ полковник. Я работаю.

— Ты не работаешь. Ты — заказала сорок восемь зарплатных листков из архива области по позиции, у которой нет фамилии. — Он помолчал. — Ты понимаешь, что по этой бумаге мне звонили. Из области. Три раза за день.

— И что говорили?

— А вот это, капитан, самое интересное, и я тебе это скажу, потому что ты мне потом сама расскажешь, что оно значило. Мне сказали: «По позиции сорок три — листки не выдаются. Материалы засекречены до особого распоряжения». А потом — вот это дословно: «Позиция сорок три не проверяется. Проверка позиции не предусмотрена».

Я записала. Три резолюции в одном предложении — и все ничьи.

— Товарищ полковник, а вы спросили, кем предусмотрено?

— Я спросил. Мне ответили: «Так предусмотрено». И всё. — Он выдохнул. — Слушай меня, капитан. Я двадцать три года в системе и один раз видел, чтобы позицию запрещали проверять. Один раз, в восемьдесят девятом, и по той позиции потом разослали одиннадцать писем. Теперь вот вторая. Так что у меня к тебе два вопроса. Первый: что у тебя по этой позиции есть?

— Штатное расписание. Виза «А.». Счёт в сберкассе. И — приметы курьера.

— Второй: тебе нужна помощь области или область тебе мешает?

Я, Сергей, замолчала на секунду дольше положенного, потому что полковник Багиров двадцать три года был системой — и вдруг предложил быть не системой. Не каждый день системе предлагают быть союзником — тем более если это происходит с телефона, который никто не проверить не может.

— Помощь, — сказала я. — Одна. Пришлите мне эксперта на графологию, который умеет сличать почерк машинописи. У Григория Палыча подделки. У машинописи свой жанр: лента, шрифт, перенос.

— Лента у машинописи — это как почерк, — согласился полковник. — Значит, шлю Кудряшову. Она у меня единственная, кто машинописную дактилоскопию ведёт с восемьдесят пятого. И она, капитан, старая злая женщина — не обижай её.

— Не обижу, товарищ полковник.

— И последнее, Волкова. — Голос у него сел на полтона. — С этим делом слишком много звонят. Ты знаешь это лучше меня. Так что пока Кудряшова не приедет — не подписывай ничего. У тебя, я слышал, с этим всё в порядке.

Он положил трубку первым — как положено системе, — но то, что он сказал последним было уже не системное: «не подписывай ничего» — это не регламент. Это просьба. А просьба от полковника — это, Сергей, первый документ, который он выдал не по графе.

УЛИКА № 10/IV

Предмет: Телефонный разговор с полковником Багировым: запрет области на проверку позиции № 43 — «Позиция не проверяется. Проверка не предусмотрена»; командирование эксперта Кудряшовой

Значение: система впервые открыто запретила проверку конкретной позиции — значит, позиция живая: мёртвые не запрещаются, их списывают

Связка: резолюция «Не относится к ведомству» — та же рука области, что и в части

Статус: Зарегистрировано. Полковник, Сергей, перешёл на сторону не следствия — на сторону здравого смысла, а это первое в истории системы поражение наверху: наверху всегда полагали, что здравый смысл отбирают вместе с должностью.

В среду я поехала в сберкассу.

Сберкасса Столбово — это, Сергей, учреждение, о котором я скажу словами Кеши: «Сберкасса — это единственное место, где счёт ведут по-нашему: человек пришёл — ему посчитали; человек не пришёл — ему посчитали. А система умеет только одно: пришёл — не посчитали». Управляющая — женщина по фамилии Дубова, тридцать один год в кассе, — приняла меня как принимают не следователя, а клиента: с вопросом «счёт» и без вопроса «зачем».

— Счёт двенадцать-три-один-четыре-восемь-семь, — сказала я.

Дубова посмотрела на меня. Долго. Потом сказала фразу, которую я запишу в реестр как первое человеческое показание о счёте:

— Этот счёт, капитан, я веду двадцать девять лет. И это единственный счёт, на который я подписываюсь каждый год, потому что по регламенту накопительный счёт, на который двадцать лет не было обращения, подлежит закрытию с зачислением в доход. Я этот регламент читала. Я его, между нами, могу наизусть. А этот счёт я не закрыла. Ни разу. И я вам скажу почему — а вы мне потом объясните, право ли я поступала.

— Почему?

— Потому что в девяносто седьмом сюда приходил старик. Старый сильно старый — но с ботинками казёнными. И он попросил узнать по счёту — не снять: узнать. Я посчитала. Я сказала: там лежит столько-то — цифра, скажу честно, немалая. Он меня выслушал и сказал: «Хорошо. Оставьте». И ушёл. А потом, дочка… капитан, — сказал он фразу, которую я не могу пересказать своими словами, потому что она звучала не как просьба, а как приказ, а приказы я исполняю тридцать один год: он сказал: «Счёт не закрывайте. Пока счёт открыт, — я числюсь».

— И вы не закрыли?

— И я не закрыла, — сказала Дубова спокойно. — Я его закрыла бы с нарушением регламента — а регламент я нарушить не могу, потому что регламент это то, что старше меня. Но я нашла выход. Я нашла статью — а статья у нас в кассе одна: «Счёт подлежит закрытию при отсутствии обращения в течение двадцати лет с невозможностью установления местонахождения вкладчика». Местонахождение, капитан, установить можно. Местонахождение установлено: вкладчик живёт внизу. По адресу, который я не знаю. Но знаю, что он есть. И это уже не нарушение регламента — это исполнение регламента с дорогой душой.

— Дубова, — сказала я, — вы понимаете, что этот счёт сорок восемь лет был незаконным способом оплаты молчания?

— Я понимаю, капитан, одно, — сказала она и посмотрела на меня, как смотрит кассир не на следователя, а на кассира. — Я кассир. Я деньги не делаю. Я их считаю. А кто их делает — пусть он между нами и разбирается. Мой регламент говорит: «Вкладчик имеет право на накопление». Вкладчик имеет право на накопление. Всё. Остальное не моё.

УЛИКА № 11/IV

Предмет: Показания Дубовой, управляющей сберкассой: счёт № 2031487 не закрыт двадцать девять лет — с нарушением регламента, но с исполнением регламента, «с дорогой душой»; в девяносто седьмом вкладчик приходил сам — старик, ботинки казённые, сказал «пока счёт открыт, я числюсь»

Значение: курьер единственный раз вышел к учреждению — не за деньгами, а за существованием; «пока счёт открыт, я числюсь» — это формула жизни без фамилии

Связка: приметы Пахомова; виза «А.» на позиции 43; «строка, которая не закрыта»

Статус: Зарегистрировано. Дубова, Сергей, сорок восемь лет… то есть двадцать девять лет, держала жизнь человека одной рукой — и не знала, что держит: она держала регламент, а регламент держал её. У нас в районе это называется «система работает через людей, которые её не замечают».

В четверг пришла Кудряшова.

Пришла, Сергей, как приходят старые злые женщины-эксперты: с сумкой, с лупой в чехле, с термометром для проверки условий хранения — и с выражением лица, с которым работают только те, кто научился не верить людям. Она потребовала стол, лампу и тишину — «тишину, капитан, настоящую: у меня слух как у собак, я ленту слышу».

Работала она шесть часов. Меняла ленты, сличала интервалы, снимала слепки клавиш — да, клавиш: у каждой машинки свой почерк, потому что клавиши изнашиваются неравномерно, и неравномерность эта — единственная индивидуальность, которую система не смогла выровнять.

К вечеру она позвала меня. Села. Сняла очки. И сказала:

— Капитан. У меня для вас одна новость, и я вам её скажу с той особенностью, с которой старые эксперты говорят страшное: спокойно. Слушайте. В четырнадцати документах, которые вы мне дали, — виза «А.», резолюция «Не относится к ведомству», резолюция «Принять к сведению», всё, что у вас есть, — машинопись одна. Одна лента. Один шрифт. Одна машинка. И — вот это, между вами и мною, важно, — одна клавишная изношенность. Сорок восемь лет текстов — а машинка одна. Машинка одна, капитан, — это не машина. Это помещение. Система не меняла машинку, потому что машинка — это её второй орган: у неё есть почерк, который она пишет ручкой, и почерк, который она печатает. Ручка — это «А.». А машинка — это её рот.

— И где она?

— А вот это, капитан, я вам скажу по количеству износа клавиши «б». Износ клавиши — это как возраст дерева: по нему читают жизнь. Клавиша «б» у этой машинки изношена на девятнадцать процентов больше остальных. По моей методике — а методика старая, злая, я её сама писала, — это значит, что машинку били по клавише «б» чаще, чем по другим: то есть в текстах системы часто стояла буква «б». А в тех резолюциях, которые у меня есть, буква «б» встречается в двух словах: «ведомство» и «работает». Это, капитан, не совпадение: это лексикон. И лексикон этот — не начальника. Начальник говорит «рассмотреть», «принять», «к сведению». А тут — «ведомство», «работает», «не относится». Это лексикон того, кто переводит. Кто ходит по учреждениям и говорит: «Это не относится, это работает, это ведомство». Переводчик, капитан. И у него одна машинка сорок восемь лет.

— То есть курьер и печатал?

— Курьер печатал, — сказала Кудряшова. — И пишущий почерк у вас, и машинописный — это не одна рука. Это две руки одной системы. Рука «А.» подписывает. Рука машинки — отвечает. А обе живут внизу. Это, капитан, моя экспертиза, и она при мне: я её не сжигаю.

ДОКУМЕНТ № 3/IV

Наименование: Экспертное заключение Кудряшовой: одна машинописная единица на все документы серии — лента, шрифт, клавишная изношенность; идентификация по клавише «б» — износ повышенный; вывод — тексты резолюций составлены курьером («строкой, которая не закрыта»), а визы — рукой «А.»

Особенность: у системы два почерка — подписывающий и отвечающий; оба внизу

Статус: Зарегистрировано. Экспертиза, Сергей, на руки не выдаётся: Кудряшова сказала — «при мне», а «при мне» — это единственный способ хранения, который система не может изъять: у неё нет графы на эксперта.

В пятницу он пришёл.

Пришёл — а точнее, зашёл, — в участок полиции. Приёмные часы — четверг и вторник, но Пугачёв дежурил в пятницу, потому что очередь уже дважды приходила, а очередь не разбирает дни, если пришла.

Зашёл человек лет пятидесяти, двоеродный — я пишу так, как потом напишу в реестре, — в рабочем, чистом, в казённых ботинках, и сказал ровно, не садясь:

— Я на счёт. По позиции сорок три. Мне сказали здесь, что проверки не будет. Это верно?

Пугачёв посмотрел на меня. Я была в участке — у меня, Сергей, с четверга график: приемные часы — вторник и четверг, а в пятницу я приходила «поддержать», то есть между нами — сидеть в углу с реестром и не мешать.

— Садитесь, — сказал Пугачёв. И это был правильный ход: он предложил сесть — а значит принял как заявителя.

Человек сел. Положил руки на колени — аккуратно, как кладут не руки, а ведомость. И сказал:

— Я не прошу проверки. Я прошу ответа. Ответа положено три: «да», «нет», «не предусмотрено». Из них два последние — это одно. Так что ответьте мне одним словом. — Он поднял глаза. — Меня зовут А. С. Аркадий Сергеевич. Я — та строка, которая не закрыта. И я хочу знать: она закрыта?

И вот тут, Сергей, я поняла то, что бабушка поняла сорок восемь лет назад, а я — только сейчас: человек, который не закрыт, — это человек, который ждёт закрытия. Он не сбежал. Он не спрятался. Он сорок восемь лет ходил в подвал — не потому, что не мог уйти. Потому что не мог уйти незакрытым. Закрыть его могла не система. Закрыть его могла только та графа, в которой он стоял, — а графа живёт не внизу. Графа живёт наверху.

— Аркадий Сергеевич, — сказала я. — Позиция сорок три. Я проверяю. По закону.

— По какому закону? — спросил он тихо. И это был не сарказм: это был вопрос человека, который сорок восемь лет не видел закона вблизи, а видел только форму. — По какому закону, капитан? Я четыре месяца читал ваш регламент. Страница четырнадцатая, пункт девять. Я его могу наизусть. Так что отвечайте мне по регламенту: основание проверки у вас есть?

— Есть, — сказала я. — Основание — семь заявлений семьи. Очередь. Очередь заявила.

И тут он, Сергей, замолчал. Долго. А когда заговорил — голос у него был не курьерский, не ровный: он был единственный за сорок восемь лет неровный, и неровность эта была у нас, как трещина в графике: по ней видно то, что под графикой.

— Очередь, — сказал он. — Я её слушал. Сорок восемь лет. Я её слышал, капитан, — и не сдавал. Я знаю, как это звучит, когда семьи не говорят: они не говорят вот так — через паузу, через «ничего», через «да-да». Я это сорок восемь лет записывал в графу «тишина». А графу «слышано» у меня никогда не было: я не сдавал. Я двенадцать раз носил вниз ваши резолюции — и ни разу не говорил, что семья подала. Система считала, что она не знает. А она не знала, потому что я не говорил. Это, капитан, моё единственное за сорок восемь лет преступление

против системы: я молчал о том, что она хотела бы знать. — Он поднялся. — И я пришёл сегодня не за ответом. Я пришёл за графикой: мне нужна графа «убыл». Графа в которой я смогу закрыться. И если её нет — я её сам составлю. По регламенту. Подписано: А. С.

И ушёл. Пугачёв остался сидеть — в той позе, в которой сидят молодые, когда им объяснили всё, а они не поняли ничего.

— Капитан, — сказал он. — А он у нас кому работал?

— Он у нас, — сказала я, — работал никому. Он сорок восемь лет работал не-системе. А не-система, Сергей, — это то, что система не может проверить. И теперь у неё есть сотрудник в штате: не-система. Значит, у неё появилась вакансия, которую она не заполнит: системы не могут принять того, кто в их регламент не влезает.

УЛИКА № 12/IV

Предмет: Заявление Аркадия Сергеевича, дано устно в участке, при Пугачёве и при мне: «Я — та строка, которая не закрыта»; просьба — графа «убыл», «я её сам составлю. По регламенту. Подписано: А. С.»

Значение: «А.» — не рука и не инициал. «А.» — это имя: Аркадий Сергеевич. Сорок восемь лет система не писала его фамилию, потому что фамилия — это то, что ей не нужно: ей нужна только строка. И строка сорок восемь лет работала против неё — молчанием.

Связка: показания Пахомова (глава вторая); экспертиза Кудряшовой — лексикон переводчика; счёт № 2031487 — «пока счёт открыт, я числюсь»

Статус: Зарегистрировано. Участок полиции, Сергей, принял первого за сорок восемь лет заявителя, у которого нет личного дела, — а это значит, что приёмная работает даже для тех, кого система не зарегистрировала. И это удочка на пятую книгу: приёмная теперь работает не только для очереди — для не-системы.

Вечером — щи, шестая крышка.

Лидия Петровна сняла её, посмотрела на меня — и это был тот самый взгляд, с которым смотрят не на дочку, а на следователя: с уважением и с уклоном.

— Садись, дочка. Ешь. — Она посолила. Попробовала. — Я слышала. Слышала, между нами, я всё: у меня в горнице окна на все четыре стороны, и они работают как коммутатор — только дешевле и без пошлины.

— И что слышали?

— Слышала, дочка, что человек, который не закрыт, сам просил графику «убыл». — Она отставила крышку. — И это, дочка, означает одно: он понял то, что ты поймёшь ещё не скоро. Он понял, что закрытие — это не уход. Закрытие — это регистрация: то, что закрыто, существует официально. А то, что открыто, существует вечно — как счёт, как подвал, как система. Он сорок восемь лет жил вечно. Он устал от вечности. И он хочет быть закрытым — не потому, что боится. Потому что закрытое, дочка, — это то, что могут прочесть. А прочесть — это единственный способ оставить след. Система сорок восемь лет не оставляла следов. А он хочет оставить свой. Так что помоги ему, дочка. Составь ему графу. По регламенту. И подпишись — а подпись — это то, что остаётся после того, как бумага кончается.

УЛИКА № 13/IV

Предмет: Показания Лидии Петровны: закрытие — это регистрация; не закрытые существуют вечно; помочь Аркадию составить графу «убыл» — и подписаться

Связка: «пока счёт открыт, я числюсь» — Дубова; «я — та строка, которая не закрыта» — Аркадий

Статус: Зарегистрировано. Бабушка, Сергей, сказала фразу, которая — формула пятой книги: не закрытые существуют вечно. В пятой книге мы будем закрывать графики — по регламенту, по одному, с подписями. И это будет не следствие. Это будет закрытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.